

УДК 801.82

АНГЛОСАКСОНСКИЕ ЭЛЕГИИ: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ

© 2013 г.

О.Л. Мощанская

Нижегородский государственный педагогический университет

moshanskaya@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Изучаются некоторые особенности элегий, такие как одиночество героя, роль монолога, суровость жизни и суровость природы. Сравниваются старые английские элегии с древнерусской поэзией, выявляются их различия и сходство.

Ключевые слова: элегии, мореплаватель, поэзия, одиночество, природа.

Англосаксонские элегии нуждаются во всестороннем научном изучении как один из ранних поэтических памятников Англии. В них намечаются те черты, которые станут характерными для литературы Англии последующих веков. Анализ содержания, художественной специфики произведений англосаксов, выявление складывающейся традиции в изображении человека раннего Средневековья, его внутреннего мира и его отношения к обществу того времени и общества к нему интересен как в литературоведческом, так и в историческом планах.

Если брать за основу даты, установленные исследователями для «Беовульфа» и англосаксонских элегий, – они созданы почти одновременно – VII–IX века [1]. Однако анализ содержания англосаксонских элегий показывает, что некоторые из них основаны на материале более позднем по сравнению с «Беовульфом». Безусловно, многие отличия определяются жанровой спецификой произведений: народный героический эпос «Беовульф» – большая эпическая форма, элегии – малая эпическая форма. В элегиях наблюдается сочетание лирического и эпического начал, доминанта которых варьируется в различных произведениях. Дело даже не в том, что в «Беовульфе» действуют чудовища, а в элегиях фантастических мотивов нет. Особенностью их является то, что в большинстве из них изображается тот мир, который пока еще только предчувствуется в «Беовульфе», появление которого предсказывает глашатай в финале «Беовульфа», мир, в котором человеку уже не придет на помощь сказочный богатырь, мир, в котором человек беззащитен, одинок и может полагаться только на себя. Разлад между миром и человеком,

намеченный в «Беовульфе», становится основной темой англосаксонских элегий.

В «Беовульфе», монументальном эпическом произведении, грядущий разлад между миром и человеком воспринимался как бедствия, которые должны обрушиться на народы, в элегиях уже наступивший разлад между миром и человеком передается через судьбу и сознание индивидуума. Одинокий человек противопоставлен миру, отталкивающему его. Причины, обусловившие появление элегического настроения в героическом эпосе и в элегиях, одни и те же – племенные распри, воспоминания о былом благополучии. Рассказ Беовульфа о безутешном отце, один сын которого убил другого, напоминает элегию. Усиление элегического настроения в финале «Беовульфа» позволило Дж. Р.Р. Толкину квалифицировать произведение как «элегическую поэму» [2, с. 56]. Однако в элегиях племенные распри – лишь одна из причин трагической судьбы человека. В них на первый план выступает социальная несправедливость, результат которой – зависимость одного человека от другого.

Англосаксонские элегии найдены в Уэссексе (Нортумбрия), в рукописи X века. Именно в Уэссексе в IX – нач. X в. происходит наиболее интенсивное становление раннефеодального английского государства, выражающееся в усилении королевской власти, формировании феодального землевладения и закабалении свободного населения, росте неповиновения феодалов централизованной власти, разрушении свободной общины, усилении зависимости от господина [3, с. 47].

Анализ англосаксонских элегий показывает, что они создавались на протяжении VII–IX вв. Самая ранняя по дате возникновения – элегия

«Видсид», совокупность литературных и языковых данных которой позволяет утверждать, что она создана не позднее VII века [4, с. 280]. В элегии «Сетование жены» находит косвенное отражение распад родственных связей (героиня тоскует, прежде всего, о муже, оставившем ее, а не об оставленных ею родных) и супружеских уз (отношения героини и ее мужа). Герои элегий «Мореплаватель», «Странник», «Деор» – изгнанники, оказавшиеся вне уз родства и других связей между людьми. Закономерно предположить, что беды, постигшие героев, – результат разногласий феодального характера, о которых свидетельствуют источники IX–X вв. [4, с. 96]. О более позднем происхождении элегий по сравнению с «Беовульфом» можно заключить по усилению христианских мотивов, например, переосмысление в «Страннике» (72–80) жизненного кредо Беовульфа, утверждавшего земную славу («Беовульф», 1386–1389).

В целом, если допустить возможной следующую датировку элегий: «Видсид» (Widsith, VII в.), «Развалины» (Ruine, VII в.), «Деор» (Deor, нач. IX в.), «Мореплаватель» (Seafarer, IX в.), «Странник» (Wanderer, IX в.), оказывается приемлемой гипотеза о традиционности этой художественной формы для англосаксонской поэзии на протяжении длительного периода, что подтверждается наличием элегических фрагментов и в «Беовульфе».

Исследователи спорят о приемлемости самого термина «элегия» для обозначения перечисленных выше произведений. М. Блумфилд относит многие произведения англосаксонской литературы: пословицы, загадки, афоризмы, басни и т.д., в том числе и элегии, к «литературе мудрости» [5, с. 72–75]. По его мнению, ее специфика заключается в том, что она пытается осмыслить земное бытие, природу вещей, их моральную и рациональную стороны. Произведения, обычно классифицируемые как «элегии», с точки зрения ученого, существенно отличаются от классической элегии. Классическая элегия – либо жалоба по поводу смерти близкого человека, либо любовное стихотворение. Подлинной элегией в англосаксонской литературе М. Блумфилд считает жалобу гонца в «Беовульфе». Остальные же «элегии» – дидактические рефлексивные произведения, цель которых – учить людей познавать мир, общество, самих себя, облекая это познание в термины, свойственные германскому обществу, к которому они принадлежат. В таком случае поэт является наставником, воплощающим опосредованную мудрость, адресуясь не к определенной личности, а ко всем, каждому, Богу.

Впервые термин «элегия» был отнесен к произведениям англосаксонской литературы в XIX веке. Его применил Конибир (Conybear), которому элегии представлялись отражением только личных настроений, а данное наименование для них наиболее подходящим. [6, с. 78]. С.Б. Гринфилд дает определение элегии как «сравнительно короткой поэмы (стихотворения) – размышления или драматической поэмы, содержащей в себе противоположные (контрастирующие) примеры состояний утраты и утешения, в основе которых определен личный опыт или наблюдение и которые выражают отношение к этому опыту» [6, с. 147].

Как представляется нам, наименование «элегия» вполне оправданно относительно англосаксонских элегий, оправданно не только потому, что заняло прочное место в литературоведческом словаре и стало привычным, но и потому, что в основном соответствует содержанию и художественной специфике произведений, хотя, несомненно, последние отличаются от элегий, передающих либо горе по поводу смерти близкого человека, либо тоску несчастной любви.

Элегии невелики по объему: «Вульф и Эдвейсер» – 19 строк, «Мореплаватель» – 124 строки. За исключением «Развалин», все элегии написаны от первого лица. Основная тема элегий («Мореплаватель», «Деор», «Странник», «Сетования жены», «Послание супруга», «Развалины») – размышления, вызванные личными переживаниями, возможно, вытекающими из реальной или воображаемой ситуации. Это наиболее общая формулировка темы, которую, как и мотив изгнания, можно отнести почти ко всем элегиям. Изгнанник (wraecca – wretch, stranger, wanderer, pilgrim, exile, unhappy man) – главный герой англосаксонских элегий. Одинокие герои элегий изображены в кризисные моменты. Их будущее неизвестно, но их мужество, воля, жизненный опыт свидетельствуют о возможности достижения счастья. Тема изгнания получает поэтическое выражение в сочетаниях определенных слов, в определенных фразах, которые, повторяясь в той или иной элегии в сходных грамматических и исторических образцах, могут быть названы «формулами» [7, с. 446–467]. С.Б. Гринфилд приходит к выводу, что широкое распространение устойчивых выражений позволяет предположить связь значительной части англосаксонских элегий с устной традицией [6, с. 144].

Одна из проблем, волнующих ученых, – сочетание в элегиях языческих и христианских элементов. Некоторые исследователи считают, что в элегиях нашла отражение тоска по ото-

шедшим в прошлое древнегерманским обычаям, например, христианские мотивы в конце «Странника» являются позднейшими добавлениями. Другая группа ученых придерживается мнения, что христианский элемент во многих элегиях – неотъемлемая часть философского замысла произведения. Третьи объявляют «Странника» и «Мореплавателя» христианскими аллегориями [8, с. 46]. Вряд ли с этим можно согласиться, анализируя элегии. В их основе – действительность и реальные человеческие чувства, проявляемые в конкретных жизненных обстоятельствах. При анализе элегий необходимо учитывать особенности понимания и восприятия мира средневековым человеком, аллегоричность его мышления, трансформацию христианских идей в его сознании.

Элегии «Видсид» и «Сетование Деора» посвящены судьбе и искусству скопа, так назывались у англосаксов песнопевцы (от глагола *scierpan* – создавать). В первой элегии скоп Видсид сопровождает ломбардскую принцессу Эохильду ко двору ее будущего мужа Эорманрика Готского. Большая часть элегии представляет собой перечисление стран и племен, в которых побывал певец, и имен героев, которых встречал. Автор называет Оффу Английского, датчан Хродгара, Хродвульфа, готов Эорманрика, Теодорика, Видию. Перечисление германских королей начинается с Атилы. Перечисляя имена героев, Видсид не объясняет, чем прославился каждый из них. Из этого можно заключить, что слушателям они были известны. Многие из имен и географических названий, перечисленные Видсидом, сохранены историками древности: Григорием Турским в «Истории франков» (VI в.), Бедой Достопочтенным в «Церковной истории англвов» (нач. VIII в.), Павлом Диаконом в «Истории лангобардов» (VIII в.). В финале элегии скоп поет славу своему искусству и той пользе, которую оно приносит людям.

Несомненно, каталог, в котором перечисляются имена правителей и героев, – один из редких документов, запечатлевших представление певца древности о мире и людях. Он свидетельствует о связи англосаксонской поэзии с легендами и сказаниями континента и может пролить некоторый свет на гносеологические корни поэзии англосаксов. «Видсид» дает представление о репертуаре скопов, об использовании ими имен легендарных героев, их континентальных предков. Но не только этим интересна элегия. В «Видсиде» звучит гордость певца своим искусством. Поэтический дар – залог известности, славы и бессмертия. Песни скопа, говорится в

эпиплоге, ценятся повсеместно, «в южной стороне, или в северной». Странствуя, певцы поют о нужде, о подвигах героев, о славе. Они даруют достойному вечную жизнь в искусстве. Так будет всегда, пока «не исчезнут свет и жизнь» («Видсид», 135–143). Элегия показывает, что певец далекого прошлого осознал высокое назначение поэзии. Осознание своей роли как летописца и судьи пробуждает в душе певца чувство гордости. Эту традицию унаследуют поколения народных певцов более позднего времени.

Сопоставительное исследование возникающих на сходных ступенях общественного развития типологических аналогий (англосаксонская элегия «Деор», русское «Моление Даниила Заточника») в области художественной литературы выявляет сходную участь певцов разных стран. Элегия «Сетования Деора», «Моление Даниила Заточника» передают трагизм социальной зависимости певца от господина, в покровительстве которого он нуждается [9, с. 30–42]. Повествование в элегии (по форме лирический монолог) ведется от лица скопа Деора. Немилость господина лишила его средств к существованию. Мысль о том, что страдания – удел многих, утешает певца. В первых пяти частях элегии он вспоминает несчастья, постигшие других: кузнеца Уэйлэнда из поэтической «Эдды», любивших друг друга Гит и Метхилд, Теодорика и других, много претерпевших, но сумевших выйти победителями из жизненных испытаний. Шестая часть представляет собой обобщающие размышления по поводу распределения радости и печали среди людей. В седьмой части говорится об обстоятельствах жизни самого Деора. Он, скоп по имени Деор, имел при дворе превосходную службу, пока другой певец Хеорренда не вытеснил его. (Здесь и далее при цитировании указываются номера строк.)

Ahte ic fela wintra folsa and tilne
Hoidne hlaford, ob Baet Heorrenda me
Leobcraeftig monn, londryht zeb ah
Baet me eorl hleo aer zes ealde (33–41).

Своеобразие «Деора» заключается в том, что части элегии, рассказывающие о невзгодах различных лиц, составляют композиционно выдержанное произведение и объединяются общей темой – повествованием о несчастьях и жизненных испытаниях. Единство элегии обусловлено не только тематически, но и художественными средствами: параллелизмом, повторением особой формулы «утешения». Этой формулой заканчивается каждая часть рассказа, за исключением шестой. Формула «утешения» – своеобразный поэтический рефрен эле-

гии, окрашивающий ее в лирические тона. Она вносит в элегию тему времени, его быстротечности. «Все прошло, и это должно пройти» (Baet ofereode Sisses swa maeg) – убеждает рефрен. Пришел конец страданиям тех, о ком вспоминал Деор, рано или поздно окончатся и его муки. Так как в шестой части поэт говорит не о личных несчастьях, а о всеобщих, общечеловеческих, формула «утешения» не может быть употреблена. В седьмой части, когда речь идет о переживаниях самого Деора, она возникает вновь. В этой элегии мы впервые встречаем такой четкий переход к личной теме: «Я скажу о себе» (36), обнаруживающий непосредственную заинтересованность скопа в том, что он изображает. Впав в немилость, поэт «опечален до глубины души, его радость исчезла, его душа покрывается темнотой. Кажется ему, что его несчастьям не будет конца» (28–30).

Изгнание как одна из важнейших тем элегий находит художественное воплощение в двух близких друг другу произведениях: «Море-плаватель», «Странник». Элегия «Море-плаватель» проникнута суровой мужественностью, героическим духом борьбы с разбушевавшейся стихией. Зимнее море, мрачное, холодное, зловещее, враждебно человеку и вместе с тем притягательно для него. Ведя повествование от первого лица, автор элегии с поразительной силой изображает физические и духовные страдания, выпавшие на долю моряка. Он уходит в воспоминания о прошлом, но завывания ветра, град, стужа, от которой цепенеет тело, тоскливые крики морских птиц напоминают о настоящем. Внутренняя тревога и беспокойство перекликаются с внешними зловещими предзнаменованиями.

Описывая рев моря, отдающийся в отвесных скалах, песнь лебедя, крики баклана, зов кроншнепа, зловещий крик орла, автор воспроизводит и звуковую гамму, углубляющую страдания героя и оттеняющую его внутреннее состояние.

Мы считаем слишком категоричными мнения исследователей (Дж. Андерсона, С. Гринфилда, Д. Уайтлок), утверждающих, что элегия по природе аллегорична, что ее основной мотив – поиски «потусторонних ценностей» [10, с. 154–159; 6, с. 153–158; 11, с. 261–272]. «Море-плаватель» – монолог мужественного, закаленного в схватках со стихией, способного выйти из них победителем человека. Элегия вносит новое в использование мотива суровости природы. Скованная морозом земля контрастирует с «возбужденной кровью» героя, его гордостью

тем, что он выдержал испытание. Особенностью «Море-плавателя» является то, что мужеству героя, его вере в достижимость цели соответствуют весенние мотивы.

«Сердце мое несется по весеннему морю // над вотчиной китовой, улетаю далеко // к земным границам, и ко мне возвращается голодное, неутоленное из полета одинокого // сердце, и манит в море выйти // на пути китовые».

С пением кукушки, символом весны, море-плаватель готов вновь отправиться в путь.

Bearwas blostmum nimad, byrig faegrid;
Wongas wlitigad, woruld onetted;
Ealle Ba gemoniad modes fusne,
Sefan to siBe, Ban Be sua fenced
on frodwegas feor gewtan (48–52).

Сходная во многом с «Море-плавателем» элегия «Странник» интересна стремлением передать нарастание эмоционального накала в изображении одиночества героя: «прячет несчастья в сердце», «ледяные волны и зима в сердце». Это подчеркивается и эволюцией природы: ледяные волны сменяются «бурей с градом». В элегии нет элементов сверхъестественного. Все, вплоть до видений, имеет реальное обоснование – психологическое состояние героя, для передачи которого используются различные приемы: эпитеты, воспоминания, сновидения и галлюцинации, окружающая героя природа. В элегии нашли отражение требования, предъявляемые к человеку: он должен обладать жизненным опытом, стойко переносить лишения. Система отрицаний показывает, какие качества недопустимы в человеке: безрассудство, нерешительность в битве, алчность, гордость, не основанная на делах, сомнения в мужестве сердца. Печаль героя оттеняют воспоминания о днях, когда у него были верные друзья и господин.

В элегии мы встречаем различные формы воспроизведения прошлого: рассказ о прошлом от первого или третьего лица, сон, в котором страннику снится былое благополучие, галлюцинации. Тепло, вызванное общением с друзьями во сне, оттеняется холодом, окружающим одинокого человека в действительности. Измученный воспоминаниями и одиночеством, странник впадает в полузабытье. Воспоминания о былом, только что виденном во сне, проносятся в его мозгу. Близкие люди как бы окружают его, он приветствует родных песнями, страстно зовет товарищей-воинов. Но видения исчезают, не принося облегчения.

От размышлений о личных испытаниях герой переходит к мыслям об общих бедах. Личная судьба изгнанника сближается с судьбой мира, когда «кругом все рушится».

ForBon ic geBencannee maeg geond
 Bas woruld
 For hwam modesefa min ne gesarera
 Bonne ic eorla lif eal geond Bence,
 Hu hi furlice flet of geafon,
 Mogge magBegnas, swa Bes middangeard
 Earla dogra gehvan dreosed ond fealleB (58–63).

Возникает картина разрушенного города: стены, покрытые инеем, обвалившиеся залы для пиров, погибшие люди, вороны и волки, терзающие их тела. В эмоционально насыщенном повествовании ощущается жизненный опыт автора, протест против бесчеловечности войн – мотив, являющийся центральным в элегии «Развалины».

В основе композиции элегии «Развалины» – контраст между картинами опустошения, вызванного сражениями, и воспоминаниями о былом великолепии городских строений, созданных трудом человека. Ведущие настроения произведения – скорбь по поводу разрушенного города и гордость людьми – прекрасными строителями.

Проблемы взаимоотношений мужчины и женщины, любовь, разлука, связанные с ней страдания, также нашли отражение в англосаксонских элегиях. «Вульф и Эдвейсер» – единственное произведение в англосаксонской поэзии, в котором изображен «треугольник», это монолог женщины, находящейся в зависимости от Эдвейсера, вероятно, ее мужа, которого она ненавидит. В монологе в предельно сжатой форме передан мир лирических переживаний: взлеты надежды и их крушение. Эту элегию с другими элегиями роднят мотивы изгнания, тоски и одиночества.

Элегия «Сетования жены» примечательна тем, что героиня ее – женщина. Нам представляется надуманными утверждения [12, с. 235], что элегия – монолог мужчины-изгнанника. Характер размышлений дружинников, песнопевцев был иным. В их монологах немалое место занимали размышления об окружающем мире, своем ремесле, о мужестве, с помощью которого можно преодолеть невзгоды. Элегия «Сетования жены» – вопль истерзанного женского сердца, тоскующего по поводу насильственной разлуки с любимым, ожидающего помощи от него, ибо элегия запечатлела зависимость жены от мужа-господина.

«Послание супруга», также повествуя о разлуке влюбленных, существенно отличается от предыдущей элегии тем, что оно проникнуто надеждой на грядущее счастье.

Время в элегиях лишено условности и сказочности, характерных для «Беовульфа». Оно

преимущественно соотнесено с прошлым, но не отдаленным, а прошлым в пределах человеческой жизни («Деор», «Странник»). Время становится более растяжимым, когда речь идет о судьбе города («Развалины») или когда в размышления героев входят предания и герои, принадлежащие эпическому миру («Видсид», «Деор»). Как правило, мысли героев элегий движутся от настоящего (отправная точка переживаний) к прошлому, а уж затем к будущему («Странник», «Мореплаватель»).

Свойственная элегиям мысль о быстротечности времени и человеческой жизни находит выражение в своеобразном поэтическом рефрене элегии «Деор», в мотиве воспоминаний («Мореплаватель», «Странник», «Деор», «Сетования жены»).

Представляет несомненный интерес и своеобразие природы, главным образом, моря («Мореплаватель» и «Странник»). Но воссоздание природы в элегиях не исчерпывается морем, это и угрюмый лес («Сетования жены»), и ощущение весны («Послание супруга»). Мотив ожидания весны, поры осуществления надежд, упоминание о песне кукушки (традиционный английский символ весны) роднят «Мореплавателя» и «Послание супруга» с народной лирикой и балладой. Функции природы в элегиях разнообразны: она воссоздает обстановку действия, контрастирует воспоминаниям, перекликается с настроением героя или героини.

По форме элегии, за исключением «Развалин», – монологи, небольшие по объему; приемы контраста и параллелизма играют важную роль в композиции произведений.

Отнесение исследуемых произведений к жанру элегий вполне закономерно, как и термин «элегия» для произведений, в основе которых – размышления по поводу несправедливой доли и тяжелой судьбы, поднимающиеся до уровня философских обобщений о бренности человеческой жизни.

К будущему обращена гуманистическая направленность элегий: осуждение войн и разорений, гордость результатами труда человека, мастерством строителей («Развалины»), талантом поэта («Деор», «Видсид»), мужеством мореплавателя («Мореплаватель»). Через воспоминания о прошлом, через осознание своего одиночества и неустрашенности в настоящем герой элегий идет к будущему. Стремление преодолеть невзгоды, вера в любовь и вера в соединение с любимыми и друзьями – черты, соединяющие элегического героя с будущим. Мотивы «таланта» и «мужества» неразрывны в

элегиях, в этом также обращенность элегий к будущему. Не случайно появление этих мотивов в элегиях сочетается с весенним обновлением природы.

Список литературы

1. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах М.: Худож. лит., 1976 / Пер. В. Тихомирова; Klaeber F. Beowulf and the Fight at Finnsburg. Boston. 1950.

2. Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982 / Пер. В. Тихомирова; Krapp G.F., Dobbie E. Van Kirk. The Anglo-Saxon Poetic Records. New York. 1953. Vol. 111.

3. Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища. СПб.: Азбука-классика, 2006. 263 с.

4. Савело Е.К. Раннефеодалная Англия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 144 с.

5. Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 171–241.

6. Bloomfield M. W. Essays and Explorations. Cambr. (Mass.) 1970. P. 72–75.

7. Greenfield S.B. The Old English Elegies // Continuations and Beginnings. L. 1966. P. 70–160.

8. Magun P. Oral Formulaic Character in Anglo - Saxon Narrative Poetry // Speculum. 1953. XXV111, 3. P. 466–467.

9. См. Zesmer D.M. Guide to English Literature. L. 1864. 203 p.

10. Мощанская О.Л. Художественное воплощение судьбы изгнанника в англосаксонской элегии «Сетования Деора» и русском «Молении Даниила Заточника» // Филологический сборник: проблемы взаимодействий. Красноярск, 1992. С. 30–42.

11. Anderson G.K. The Literature of Anglo-Saxon. New York. 1962. 431 p.

12. Whitelock D. The Interpretations of the Seafarer // The Early Cultures of North-West Europe. Cambr., 1950. P. 261–272.

13. Bambas R.C. Another View of the Old English Wife's Lament // Old English Literature / Ed. by M. Stevens and J. Mandel. Lincoln Univ. Press.

ANGLO-SAXON ELEGIES: GENRE CHARACTERISTICS, PROBLEMS OF POETICS

O.L. Moshchanskaya

We examine some features of elegies, such as the hero's solitude, the role of the monologue, rigors of life and climate's rigors. At the same time, it is interesting to compare Old English elegies with Old Russian poetry and identify their differences and similarities.

Keywords: elegies, seafarer, poetry, solitude, nature.